

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. И. АВАНЕСОВ

К ВОПРОСАМ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА*

1

В своих гениальных трудах по языкознанию И. В. Сталин впервые изложил созданное им марксистское учение о местных («территориальных») диалектах и их роли в истории образования национальных языков. Местные диалекты обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. «Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская „речь“) русского языка, который лег в основу русского национального языка. То же самое нужно сказать о полтавско-киевском диалекте украинского языка, который лег в основу украинского национального языка. Что касается остальных диалектов таких языков, то они теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них»¹.

В приведенной цитате не только исчерпывающе сформулирован теоретический вопрос о роли местных диалектов в истории образования национальных языков, но и дано прямое указание на курско-орловский диалект как основу русского национального языка. К сожалению, за время, прошедшее после выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, в печати еще не появилось ни одного исследования, посвященного разработке данной проблемы. Первая статья, относящаяся к ней, принадлежит историку — И. М. Ионенко (см. сноску *). Появление статьи следует приветствовать, так как она может содействовать обсуждению этой важной проблемы, поставленной перед историками и лингвистами-русистами, и ее дальнейшей разработке.

И. М. Ионенко справедливо пишет, что разрешение проблемы образования и развития русского национального языка, в основу которого, как указал И. В. Сталин, лег курско-орловский диалект, «потребует совместных усилий историков и лингвистов» (стр. 89)². Однако эти «совместные усилия» мы понимаем таким образом, что историк исследует исторические

* По поводу статьи И. М. Ионенко «Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка» («Вопросы истории», М., 1952, № 7, стр. 88—100).

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 43—44.

² Здесь и ниже ссылки на страницы статьи И. М. Ионенко даны в тексте.

предпосылки проблемы — вопрос об экономических, политических и культурных условиях развития русской нации, о роли курско-орловского края в процессе развития русской нации, предоставив историку языка на основе языкового материала и своих специфических методов изучить вопрос о развитии языка русской (великорусской) народности в русский национальный язык, обусловленном появлением капитализма, ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка³.

Само собой разумеется, что историк воспользуется лингвистическими данными, ибо без них историческое исследование не может быть полным, так как общность языка является одним из существеннейших признаков нации; точно так же и лингвист использует результаты исторического исследования, ибо «...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁴. Важно подчеркнуть, что историки лингвист имеют свои разные объекты исследования, разные источники и разные методы и заменить один другого не могут.

В статье И. М. Ионенко имеется много ценных соображений исторического характера, которыми, без сомнения, воспользуются как историки, продолжая разработку той же проблемы, так и историки языка; правда, в ней есть и спорные положения, а в ряде случаев даже неприемлемые. Что же касается лингвистической части статьи, то она вызывает много вопросов и недоумений, а порою и возражений. Автор не всегда критически пользуется лингвистической литературой, а его собственные соображения историко-лингвистического характера оказываются неприемлемыми для специалиста.

И. М. Ионенко прав, утверждая в полном согласии с советской исторической и лингвистической наукой, что образованию трех восточнославянских народностей и их языков (великорусского, украинского и белорусского) предшествовало наличие одной древнерусской народности и ее языка, охватывавшего все восточное славянство. Автор прав, утверждая, что «язык великорусской народности (ее основного ядра — Московского центра) в основном сложился в XV веке. В процессе объединения земель вокруг Москвы и складывания Русского централизованного государства создавались элементы единой русской культуры, нивелировались местные особенности в быту и культуре, развивались общерусские черты и особенности в литературном письме, живописи, зодчестве и т. д.» (стр. 95). Отметим, тем не менее, что не следует преувеличивать процесс нивелировки в быту и культуре, ибо этнографические признаки оказываются в общем весьма устойчивыми и во многом сохранялись до последнего времени.

Весьма ценны замечания автора об усилении в Русском государстве, начиная со второй половины XVI в., экономического и политического значения южных областей и прежде всего курско-орловского края, объясняющие укрепление южновеликорусских черт в языке формирующейся нации. Приведем некоторые из замечаний автора:

«Служилые люди южных уездов принимали активное участие и в решении государственных дел. Оттуда прибывало значительное количество представителей на земские соборы. Они играли на соборах заметную роль, особенно по вопросам внешней политики. Активное участие служилых людей на земских соборах, выполнение ими многочисленных и разнообразных поручений и заданий правительственных органов по обороне южных

³ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языковедения, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 22.

границ находили свое оформление в письменных документах. Удельный вес дворянства южных уездов в политической жизни страны был велик, и не только в XVI и XVII в., но и в XVIII в. Все это нельзя не учитывать при выяснении влияния курско-орловского диалекта на развитие не только разговорного, но и делового, или приказного, языка Москвы» (стр. 96—97). Правильно указание на то, что в южных областях значительно увеличивается «плотность населения в XVII в., когда разворачивается процесс экономического районирования и интересующие нас районы выделились и определились как базы сельскохозяйственного производства» (стр. 97). Правильно замечание о роли южных областей в крестьянском антифеодальном движении XVI—XVII вв. (стр. 97), о роли их в национальной борьбе русского народа против польских феодалов (стр. 98). Весьма ценно указание на то, что в XVII в. в южных областях «развивалось сельское хозяйство и ремесленное производство. Развитие экономики южных уездов было теснейшим образом связано с необходимостью обеспечить оборону государства» (стр. 98).

Таким образом, можно считать, что И. М. Ионенко правильно изображает экономические, политические и социальные условия, характерные для южных областей, начиная со второй половины XVI в., которые определили собою ведущее значение курско-орловского диалекта в пору образования русского национального языка, в особенности в начальный период его развития. Однако русский национальный язык не есть новый язык по отношению к языку русской (великорусской) народности — он есть лишь дальнейшее его развитие, обусловленное развитием самой народности в нацию. Именно этим объясняется особая сложность проблемы диалектной основы национального языка, развившегося из языка народности, который в свою очередь имел многовековую историю, а также богатую и древнюю письменную традицию.

История языков «...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным...»⁵ в применении к отдельному языку представляет собой длительный и многообразный процесс, в котором языковая дифференциация в общем сменяется языковым объединением — интеграцией, причем в некоторые периоды сосуществуют оба эти процесса, хотя и протекают в разных масштабах, при разном территориальном охвате, разворачиваясь с разной интенсивностью. Процессы языковой дифференциации и интеграции обусловлены историей общества — переходом от первобытно-общинного строя к классовому обществу, к образованию народностей, к феодальной раздробленности в ее многообразных формах, к образованию централизованных государств, к развитию народностей в нации в связи с развитием капиталистических отношений, образованием национального рынка. Эти процессы истории общества определяют развитие диалектов: отмирание одних и появление на их почве других, в большей степени соответствующих новым социальным общностям; приобретение первенствующего значения одним из диалектов за счет других, причем диалект, имевший ведущее значение в одну эпоху развития данного языка, может утратить ее в другую, а другой диалект, другой эпохи, ранее не имевший такого значения, может приобрести его в процессе дальнейшего развития общества.

К сожалению, все это не учитывается И. М. Ионенко. Поэтому его концепция в целом, в особенности в той ее части, которая относится к более древним периодам истории, не может быть принята лингвистами и, как мне кажется, не может быть принята также историками. По автору, образование языка русской (великорусской) народности и образование

⁵ Там же, стр. 12.

русского национального языка представляют собой разные этапы одного и того же (в смысле опоры на тот или иной диалект) процесса, т. е. процесса, при котором ведущее значение во все периоды имел один и тот же диалект. Такой взгляд не соответствует реальному историческому процессу, не говоря о том, что не было такого о д н о г о диалекта, существовавшего и в XI—XII вв. (а начальные этапы образования языка великорусской народности И. М. Ионенко связывает с этим временем), и в XVII в., так как диалекты за это время пережили многообразные и сложные процессы дробления и объединения, значительно изменились в своем внутреннем развитии, что внесло изменения в их строй; поэтому ни территориально, ни по своему строю они не представляли в эти разные эпохи тождества.

Учитывая, что язык есть продукт ряда эпох, автор рассматривает вопрос об образовании русского национального языка с древнейшей эпохи. При этом, если его концепция образования языка древнерусской (восточнославянской) народности, в общем принятая в советской науке, вызывает лишь ряд вопросов, требующих уточнения, то его взгляд на диалекты той эпохи не может быть принят. Автор пишет: «В пору древней Руси» (имеется в виду Киевское государство.— Р. А.) на основе диалекта полян-руси «протекал процесс складывания языка древнерусской народности, процесс, далеко не завершившийся ко времени феодальной раздробленности древнерусского государства» (стр. 90). Но можно ли говорить о диалекте-основе языка народности, находящейся на такой ранней ступени общественно-экономического и политического развития, как это мы говорим о диалекте-основе применительно к позднейшим эпохам? Не получал ли единый по своему происхождению и потому общенародный язык восточных славян этой эпохи на разных территориях ту или иную характерную местную окраску, т. е. не образовал ли общенародный язык этой эпохи чрезвычайно близкие по отношению друг к другу диалекты, имеющие лишь совершенно незначительные различия, главным образом фонетического порядка? Процессы нормализации языка были в то время в зачаточном состоянии, если не отсутствовали вовсе, что видно хотя бы по языку письменных памятников XI—XII вв., в которых относительно широко отражаются диалектные особенности.

Далее: как понимать положение автора о том, что процесс складывания языка древнерусской народности ко времени перехода к феодальной раздробленности далеко не завершился? Мне кажется, что существование древнерусской народности и ее языка в XI в. не может быть подвергнуто сомнению⁶. Укажем также, что и летописи великолепно отличают не только славян от неславян, но также восточных славян (в определенную эпоху — «Русь») от западных и южных (ляхов, славян дунайских). Может быть, незавершенность процесса складывания языка древнерусской народности следует понимать так, что в последующие эпохи язык древнерусской народности мог бы продолжать развиваться и совершенствоваться как единый язык этой народности, если бы исторические условия, в которых оказалось восточное славянство после перехода к феодальной раздробленности и после татаро-монгольского нашествия, не повели бы его по иному пути развития — к образованию (на почве отдельных диалектов предшествующей эпохи) языков трех формирующихся вос-

⁶ См. Б. А. Рыбаков, Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина, «Вопросы истории», М., 1952, № 9, стр. 43. Весьма содержательная и интересная работа Б. А. Рыбакова, в которой впервые во всей широте ставится вопрос об образовании древнерусской народности, требовала бы специального рассмотрения. Многие высказывания автора мне представляются весьма плодотворными и правильными. В этой статье, по необходимости, я ссылаюсь лишь на отдельные положения Б. А. Рыбакова, связанные с разбираемой темой.

точнославянских народностей более поздней эпохи — великорусской (русской), украинской и белорусской? Но разве бывают «завершившиеся процессы», т. е. лишённые дальнейшего развития? Мне кажется, что нет. В таком случае было бы лучше описать то реальное состояние, в котором процесс находился.

Кажется, что ошибочное разрешение вопроса о состоянии языка древнерусской народности к началу феодальной раздробленности объясняется у И. М. Ионенко тем, что свое рассмотрение исторических вопросов он ведет без должного учета данных истории языка. Известно, что общность языка является одним из основных признаков народности. Поэтому вопрос об образовании народности не может быть разрешен историками без участия лингвистов. В противном случае вопрос о языке народности и его развитии останется либо без рассмотрения, либо получит не совсем правильное освещение, как это получилось в названной уже работе Б. А. Рыбакова. Согласно мнению этого автора, ядром, вокруг которого сложилась русская народность, охватившая все восточное славянство, была Русская земля, или Русь, VI—VII вв., в состав которой, по Б. А. Рыбакову (в отличие от мнения А. Н. Насонова), входили не только Киев, Чернигов, Переяславль, но также и Курск⁷. Термин «русская земля» в этом более узком значении держался долго — он был известен, уже не соответствуя исторической действительности, и в XI—XII вв., когда «русская земля» наряду со старым значением употреблялась уже прежде всего для обозначения всей территории древнерусского государства.

Не будем касаться того, что Русская земля VI—VII вв., по мнению автора, в свою очередь сложилась вокруг племени Руси более раннего времени, так как об этом племени мы, в сущности, пока ничего не знаем. В этом случае концепция автора по вопросу об образовании русской народности не вызывает возражения, если она относится к образованию общности культурной, исторической, к образованию государственной территории, но не к образованию языковой общности. Однако, судя по следующему высказыванию, автор не различает эти стороны вопроса: «Нам совершенно неясен процесс объединения племен и племенных союзов вокруг Руси в VII—VIII вв., мы знаем лишь конечный результат — сложение в IX—X вв. единой культуры, единого языка, единой государственной территории»⁸. С таким нерасчлененным подходом историк языка не может согласиться, ибо языковая общность восточных славян, как об этом свидетельствует сравнительно-историческая грамматика славянских языков, предшествовала образованию древнерусской народности. Языковая общность восточных славян появилась не в процессе объединения ряда племенных союзов вокруг Русской земли, русского племенного союза, как думает автор, а наоборот, сама явилась одним из факторов, содействовавших их объединению в народность. Нельзя думать, что, например, территория Новгородской или Смоленской земли в эпоху до образования древнерусской народности в языковом отношении отличалась от Русской земли в большей степени, чем в эпоху после ее образования. Скорее наоборот: эти ранние периоды формирования народности не исключали возможности возникновения диалектных различий, которые действительно вскоре стали появляться. В связи со сказанным положением, будто «племена, относящиеся к одной семье (речь идет о племенах с близкородственными

⁷ Отметим, кстати, что Б. А. Рыбаков, много внимания уделяя вопросу о происхождении Руси, рассматривает его не расчлененно: он включает в него как вопрос о происхождении термина «русь», так и вопрос о происхождении народности, известной с определенной эпохи под этим названием. Между тем эти вопросы качественно весьма различны, если не сказать, что они имеют между собою вообще мало общего.

⁸ Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 61.

языками.— Р. А.), могут в очень незначительной степени ощущать свое языковое единство...»⁹, не может быть принято, так как значительное сходство близкородственных племенных языков есть реальный факт, который не мог не ощущаться. Мне кажется неверным также и взгляд И. М. Ионенко на восточнославянские племенные диалекты древнейшей эпохи и на процесс их превращения в диалекты отдельных феодальных земель и княжеств. Автор пишет: «К тому времени (речь идет о «поре древней Руси», видимо, об XI в., может быть, также начале XII в.— Р. А.) восточнославянские племенные диалекты не успели еще «перемолотья», они продолжали сохраняться, постепенно превращаясь в местные диалекты исторически складывавшихся территорий древней Руси (например, Новгородская земля, Ростово-Суздальская, Чернигово-Северская и др.)» (стр. 90). По автору выходит, что племенные диалекты сохранялись, превращаясь в диалекты отдельных феодальных земель и княжеств последующих эпох. Такой взгляд неверен, ибо свидетельствует о изначальности одних и тех же диалектов в языке восточных славян, недаром автор пишет о с о х р а н е н и и диалектов, в то время как речь должна идти об усиленном развитии диалектов, начиная с эпохи феодальной раздробленности.

Для историка языка, в особенности теперь, после разоблачения И. В. Сталиным так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра, несомненно единство происхождения всех восточнославянских языков. История восточнославянских языков безусловно свидетельствует о том, что диалектные различия в этих языках в подавляющей своей части восходят к поздним периодам — к эпохе феодальной раздробленности и к еще более позднему времени образования соответствующих народностей. К эпохе же более древней мы можем возвести лишь очень немногие черты. Это значит, что язык восточных славян в древнейшую эпоху (например, в XI в.) отличался весьма значительным единством, лишь принимая некоторую местную окраску в отдельных частях обширной территории своего распространения, в то время как в XIII в. местные различия уже были довольно значительны. Поэтому диалекты отдельных земель и княжеств, таких, как Новгородская земля, Ростово-Суздальская, Смоленская и др., представляют собой не сохранение старых племенных диалектов, не успевших еще «перемолотья», как думает автор, но развитие диалектов в новых условиях феодальной раздробленности. Не только языковые факты — новообразования, характерные для диалектов этой эпохи, нельзя возвести к эпохе племенной, но и самые их границы или вовсе не связаны с племенными границами, или имеют отдаленную опосредствованную связь.

Следует отметить, что и в статье Б. А. Рыбакова имеется тенденция диалекты позднего времени, а именно того, когда формируются национальные языки (русский и украинский), хотя бы косвенно связать с языковой общностью Русской земли VI—VII вв. Об этом свидетельствует такое положение статьи Б. А. Рыбакова: «Очень важно отметить, что указанные И. В. Сталиным главные диалекты русского и украинского языков (курско-орловский и полтавско-киевский) территориально совпадают с древней Русью VI—VII вв., с русским племенным союзом, предшествовавшим образованию древнерусского государства IX в. Это совпадение представляет большой интерес и потребует дальнейших исследований, так как между временем существования русского племенного союза и временем обособления диалектов лежит несколько веков»¹⁰.

⁹ Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 42.

¹⁰ Там же, стр. 62.

Мне кажется, что это место работы Б. А. Рыбакова толкает исследователей на неправильный путь. В самом деле: И. В. Сталин говорит о курско-орловском и полтавско-киевском диалектах как основе русского и украинского *национальных языков*, которые образовались в позднейшую эпоху, в то время как у Б. А. Рыбакова речь идет о племенном союзе древнейшей эпохи. Далее: Б. А. Рыбаков включает в состав Русской земли VI—VII вв. Курск, оставляя в стороне вопрос о том, что курская земля и тем более верхнее Поочье (в будущем Орловский край) — обширная территория вятичей — остаются за пределами Русской земли, в связи с чем объем понятия «Курско-Орловский край» получает весьма суженное и произвольное освещение. Наконец, и самое главное: если общность Русской земли относится к VI—VII вв. и на ее территории образовались основные диалекты *разных восточнославянских языков* — русского и украинского, то это верный признак того, что их образование исторически не связано с культурной и исторической общностью VI—VII вв., ибо последняя содействовала бы развитию языковой общности, а не языковых различий. Между тем для каждого ясно, что когда мы говорим о развитии русского национального языка на основе курско-орловского диалекта и о развитии украинского национального языка на основе полтавско-киевского диалекта, мы имеем в виду *специфические процессы* в развитии *каждого* из этих языков, а не *то общее*, что лежит в основе их *обоих* как ближайшим образом родственных восточнославянских языков.

И. М. Ионенко очень далеко в глубь веков отодвигает образование языка великорусской народности. С XII в., пишет он, «старая тенденция образования единой древнерусской народности сменилась тенденцией образования трех народностей: русской, украинской и белорусской» (стр. 89). С этим положением нельзя согласиться, ибо с XII в. начинается не тенденция к образованию трех восточнославянских народностей, а лишь переход к феодальной раздробленности, тенденция к усилению и обособлению отдельных земель и княжеств, к ослаблению общерусских связей при сохранении, тем не менее, традиционного представления о древнерусском единстве; об этом правильно высказывается Б. А. Рыбаков: «В пору феодального дробления Руси, в XII—XIII вв., несмотря на существование нескольких десятков княжеств, единство русской народности очень хорошо осознавалось и находило отражение в терминологии — вся Русская земля противопоставлялась обособленным вотчинам враждовавших князей»¹¹.

В XII в. и в первой половине XIII в. Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк, Ростово-Суздальская земля, Волынь, Чернигов, Рязань и другие области вырабатывают определенные, характерные для соответствующих диалектов признаки. Некоторые из них впоследствии окажутся *своиственными* отдельным восточнославянским языкам, но это не дает еще оснований, чтобы видеть за ними соответствующие языки, а следовательно, не дает еще оснований для утверждения о наличии в это время соответствующих восточнославянских народностей, если только мы не будем исходить из данных ретроспективных, если не будем переносить категорий позднейшей эпохи на эпоху более древнюю. Эти земли и их диалекты заключали в себе различные потенции: они могли объединиться и продолжить существование одной народности и одного языка, они могли также в зависимости от экономических и политических условий развиваться в несколько народностей и языков (и притом не обязательно в три). Однако позднейшего членения восточных славян и их языков на три части — великорусскую, украинскую и белорусскую — в XII в. и в первой половине XIII в. еще

¹¹ Там же, стр. 44—45.

не было. Не касаясь вопроса об образовании украинского и белорусского языков, отметим, что положение об отсутствии уже сформировавшихся языков восточнославянских народностей в XII в. и в 1-й половине XIII в. огнюдь не противоречит тому, что на северо-востоке, в Ростово-Суздальской Руси, в соответствии с ее экономической, политической и культурной историей в это время накапливались элементы нового качества, на базе которых впоследствии стал формироваться язык великорусской народности.

Едва ли точно положение автора о смене одной тенденции другой: одна тенденция перестает действовать, другая начинает; однако результаты действия этой первой, более старой тенденции, которая была актуальной в течение длительного периода, продолжают еще долгое время сохраняться, лишь постепенно тускнея и перекрываясь результатом действия новой тенденции. Поэтому не только в XII в., но и значительно позднее, когда уже безусловно начали формироваться отдельные восточнославянские народности и их языки, языковское, этническое, культурно-историческое единство восточных славян-руси — продолжало в той или иной степени сохраняться, так и не стершись из памяти народной окончательно до наших дней. В борьбе с польскими и литовскими феодалами украинцы и белорусы — русские, русь. Не даром борьба за присоединение западных и юго-западных земель идеологически обосновывается борьбой за исконно русские земли. Но эти же «русские» — не русские, а украинцы и белорусы в борьбе за свое национальное развитие в составе восточных славян.

В этой связи также можно привести высказывание Б. А. Рыбакова, с которым, в основном, можно согласиться. Он пишет: «Появление в конце XIV в. точного обозначения всей Русской земли (речь идет о списке русских городов, составленном около 1396 г. — Р. А.) может свидетельствовать о том, что в эпоху Куликовской битвы единство древнерусской народности еще существовало в тех же самых границах, что и во времена древнерусского государства»¹².

Итак, по И. М. Ионенко, с XII в. начинается процесс складывания языка великорусской народности. Где же, на какой диалектной базе он сложился? Вот что говорит по этому поводу И. М. Ионенко: «Казалось бы, что исходя из исторических условий, основой великорусского языка должны были послужить диалекты населения Владимиро-Суздальской земли, где после упадка Киева находились важнейшие центры экономической и политической жизни Руси. Этого, однако, не случилось» (стр. 91). Мы позволим себе несколько ниже разобрать мотивы, по которым автор отвергает возможность формирования языка великорусской народности на северо-востоке — во Владимиро-Суздальской земле. Здесь разберем те положительные взгляды, которые развивает автор. С самого начала, т. е. с XII в., в основу языка развивающейся великорусской народности, по мнению И. М. Ионенко, легли говоры Черниговщины и верховьев Оки, восходящие к племенным диалектам вятичей, радимичей и северян. «В XI—XII вв., — пишет автор, — население Черниговщины и Северщины находилось в таких условиях экономического, социального и политического развития, которые способствовали интенсивному языковому творчеству, а сравнительно однородная этническая среда представляла для этого творчества прочную основу» (стр. 92). И далее: «В основу языка великорусской народности легла речь крестьянского населения (кстати: почему крестьянского населения, если язык — явление общенародное? — Р. А.) Северщины и верхнего течения Оки; эта речь определила московский говор, шодчинивший себе другие местные диалекты (Новгорода Великого, Владимиро-Суздальского края и др.)» (стр. 95).

¹² Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 47.

Это положение, по моему мнению, не может быть принято ни историком, ни лингвистом. Почему начальные процессы образования великорусской народности и ее языка отодвигаются так далеко в глубь веков, когда в сущности не было еще исторических предпосылок для этого? Каким образом говоры Северщины могли лечь в основу языка формирующейся на далеком северо-востоке, в районе Клязьмы и верхней Волги, великорусской народности? Очевидно, отодвинуть в глубь веков начальные процессы образования великорусской народности и ее языка потому и понадобилось автору, чтобы оторвать вопрос образования языка великорусской народности от вопроса об образовании самой этой народности в северо-восточной Руси. Но ведь роль Ростово-Суздальской земли, а затем Москвы как территориального ядра великорусской народности, вокруг которого сплачивались и другие земли, становящиеся великорусскими в XIV и XV вв., не может быть оспорена. Как могли говоры Северщины и верховец Оки лечь в основу языка великорусской народности, если эти территории не только не входили в состав Ростово-Суздальской земли, но в течение довольно долгого времени были также за пределами постепенно укрепляющегося вокруг Москвы Русского государства?

Приведем полностью аргументацию автора: диалекты земель, расположенных по верхнему течению Оки, по Сейму и по Десне, «возникли на основе племенных диалектов коренного славянского населения — вятичей, радимичей и северян, повидимому, очень близких между собой. Здесь не было неславянских элементов, нарушавших устойчивость языка. Несомненно также, что эти диалекты были значительно ближе к древнерусскому (полянскому в основе) языку, чем диалекты северных областей, что являлось дополнительным источником их силы и устойчивости. Все это и привело к тому, что именно эти диалекты, а не северные легли в основу языка великорусской народности» (стр. 91).

Первый из аргументов заключается в том, что диалекты Северщины и верхней Оки возникли на основе племенных диалектов коренного славянского населения и что на данной территории «не было неславянских элементов, нарушавших устойчивость языка». Но разве обязательно, чтобы ведущий диалект был диалектом коренного в этническом отношении населения, к которому восходит данная народность? Нельзя принять в свете сталинского указания о значительной устойчивости языка, в особенности его грамматического строя и основного словарного фонда, мысль автора о том, что наличие иноязычных элементов в предшествующую эпоху нарушает устойчивость языка. Ведь «...скрепление дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития»¹³.

Другой аргумент автора заключается в том, что предполагаемые им в качестве основы языка великорусской народности диалекты «были значительно ближе к древнерусскому (полянскому в основе) языку, чем диалекты северных областей». Не будем говорить о том, откуда известна автору полянская основа древнерусского языка. Но почему язык вновь формирующейся народности должен развиваться при ведущем значении того же диалекта, что и язык более древней эпохи? Почему в новых исторических условиях это должно явиться «дополнительным источником их силы и устойчивости»? Далее, если этот аргумент принять, то не означало ли бы это, что и в основе языков украинской и белорусской народностей, формировавшихся более или менее одновременно с языком великорусской народности, должны быть диалекты, наиболее близкие к «древнерусскому

¹³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

(полянскому в основе) языку», т. е. что языки великорусской, украинской и белорусской народностей развились на почве одних и тех же диалектов? В таком случае вопрос о диалектной основе теряет всякое содержание.

В обоснование своей точки зрения автор ссылается на исключительную роль Черниговских и Северских земель в борьбе со степью в XI и XII вв., а также на «особенно ответственное положение» Курска, «обращенного в Придонские половецкие вежи» (стр. 92), и далее пишет, что «в этой связи следует обратить внимание на гениальное произведение древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», в котором воспеты подвиги и несчастья интересующего нас края» (стр. 92). Действительно, «Слово» имело огромный общерусский резонанс, в нем нашла наиболее полное выражение идея единства древнерусской народности, а следовательно, и свидетельство о ее реальности как исторической категории в XII в. Однако непонятно, какое отношение может иметь «Слово» к проблеме возникновения великорусской народности и ее языка. «Слово о полку Игореве» возникло в эпоху древнерусской (восточнославянской) народности и отражает тот период ее истории, когда Русь была охвачена раздорами, связанными с феодальной раздробленностью, и была особенно уязвима для внешнего врага. Эта великая народная поэма отражает патриотические стремления передовой части тогдашнего общества к единству Руси. Отсюда следует, что «Слово о полку Игореве» является общим достоянием всех восточных славян — русских, украинцев, белоруссов — и не может свидетельствовать в какой бы то ни было мере об образовании или хотя бы начальных этапах образования великорусской народности и ее языка.

В этой связи по меньшей мере бессодержательными оказываются следующие слова автора: «Вряд ли можно сомневаться в том, что патриотические, объединительные общерусские идеи «Слова» находили благоприятную почву у населения этого края, в основной своей массе поставленного в такие исторические условия, которые создавали в народе сознание ответственности за судьбы всей Руси» (стр. 92). Но ведь идеи «Слова», как об этом говорит и сам автор несколько выше, ссылаясь на акад. А. С. Орлова, «находили благоприятную почву» во всех частях восточного славянства, далее, они были направлены на сохранение общевосточнославянского единства, т. е. на сохранение древнерусской народности, и, следовательно, не имеют отношения к великорусской народности (которой тогда, кстати сказать, еще не существовало).

Для обоснования своей точки зрения И. М. Ионенко пытается привлечь и данные лингвистические. «Здесь, на юге от Москвы, складывались основы великорусского языка, основы говоров, которые диалектологи относят к среднерусским» (стр. 93). Но если под словом «здесь» имеется в виду часть Северщины и верхнее течение Оки (т. е. Курско-Орловский край), то на этой территории распространены не среднерусские, а южнорусские говоры курско-орловского типа. Ссылка на мнение Е. Ф. Будде о том, что говоры Рязанской, Тульской и Орловской губерний «восходят к языку вятичей» (стр. 93), «однако в них отмечается и влияние северян» (стр. 93), в наше время никого ни в чем не может убедить, ибо работы Е. Ф. Будде отражают давно пройденный этап истории русского языка, и этот автор известен своими попытками не критического антиисторического прямого возведения современных русских говоров к племенным диалектам восточных славян. Это видно даже из примеров Е. Ф. Будде, приводимых автором. На долю северян Е. Ф. Будде относил «умеренное аканье, твердое ж, звук с вместо ц» (стр. 93). Здесь все в корне неверно. Чтобы говорить о типе аканья¹⁴ у северян, надо раньше доказать наличие вообще аканья в эпоху существова-

¹⁴ При этом неясно, что имел в виду Е. Ф. Будде под умеренным аканьем.

ния древних восточнославянских племен. Далее: твердое *к* (*чайку*, а не *чайкю*) в древности произносили везде, это — черта, общая всем восточным славянам, а диалектным является мягкое *к*, которое появилось в южных областях, примерно, в XV в.¹⁵ Как же в этих условиях твердое *к* может свидетельствовать о характерных особенностях диалекта северян? Наконец, с вместо *ц* (*улица*, *ййсо*) также черта сравнительно поздняя¹⁶ и потому не имеющая никакого отношения к племенным диалектам. Поэтому ссылки на слова Е. Ф. Будде о том, что «более всего в Брянском уезде мы встречаемся с элементами северского говора» (стр. 93), если под северским говором имеется в виду племенной диалект северян, с точки зрения современной науки о русском языке не имеет никакой цены.

Ничего не разъясняет и ссылка на Е. Ф. Карского, который «отмечал, что умеренно акающие говоры есть южновеликорусские говоры, главным представителем которых является московский говор» (стр. 93). Отнесение московского говора к южновеликорусским не принято в науке, а под умеренным аканьем Е. Ф. Будде и Е. Ф. Карский едва ли имели в виду одно и то же явление, поэтому едва ли можно подкреплять мнение одного из этих ученых ссылкой на другого по вопросам аканья. Но самым удивительным является то, что в аргументации И. М. Ионенко ссылки на Е. Ф. Будде сосуществуют со ссылками на меня, на мою статью¹⁷, где я пишу, что аканье появилось в эпоху феодальной раздробленности, причем в XIII в. в «Верховских княжествах» уже существовало (стр. 93). Ведь мои взгляды на время образования аканья резко отличаются от взглядов Е. Ф. Будде, который не только относит его к племенной эпохе, но находит также возможным связывать различные его типы с разными племенами.

Современные диалекты являются результатом всего предшествующего исторического развития, одни диалектные особенности появились в более раннюю эпоху, другие — в более позднюю. Но прежде чем связывать ту или иную диалектную особенность с определенной исторической эпохой, надо доказать, что эта особенность по характеру своего внутреннего развития, по времени своего возникновения на основе данных относительной и абсолютной хронологии может быть возведена к этой эпохе. Работы Е. Ф. Будде и Е. Ф. Карского, на которые ссылается автор, не удовлетворяют этому методологическому требованию.

Таким образом, положение И. М. Ионенко о том, что язык великорусской народности стал формироваться с XII в. и что в основу его легли говоры Северщины и верхней Оки, ни с исторической, ни с историко-лингвистической точки зрения принято быть не может. Автор напрасно, вопреки прямым данным истории и истории русского языка, отбросил вопрос о роли северо-восточной Руси — Ростово-Суздальской земли, а позднее Москвы — в образовании великорусской народности и ее языка. Именно здесь, в связи с развитием и укреплением Ростово-Суздальской земли после окончательной утраты Киевом своего значения как общерусского (общевосточнославянского) центра, а затем в связи с возвышением Москвы, развитием централизованного государства, происходило формирование великорусской народности и ее языка. К тому же указанный процесс начался не с XII в., как это кажется И. М. Ионенко, который исходит из

¹⁵ См. Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неорганическим и непременным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации, СПб., 1913, стр. 22 и сл. (приводятся примеры из письменных памятников для начала XVI в.).

¹⁶ См. С. И. Котков, Говоры Орловской области. Фонетика и морфология. Автореферат докт. дисс., Орел, «Орловская правда», 1952, стр. 13.

¹⁷ См. Р. И. Аванесов, Вопросы образования русского языка в его говорах, «Вестник Моск. ун-та», 1947, № 9, стр. 138.

предвзятой идеи о ведущей роли в этом процессе населения Черниговщины и верховьев Оки и их диалекта, а в XIV в., завершившись, видимо, к XVI в.

Рассмотрим аргументы, при помощи которых И. М. Ионенко отвергает возможность ростово-суздальской диалектной основы языка великорусской народности. Вот что пишет автор по этому вопросу: «Казалось бы, что исходя из исторических условий, основой великорусского языка должны были послужить диалекты населения Владимиро-Суздальской земли, где после упадка Киева находились важнейшие центры экономической и политической жизни Руси. Этого, однако, не случилось, и понятно, почему: Владимиро-Суздальская область не являлась коренной восточнославянской территорией. До IX—X вв. ее заселяли мерянские и муромские племена, принадлежавшие к угрофинской группе. В результате славянской колонизации местное население отнюдь не исчезло. Оно продолжало здесь жить и еще в течение ряда столетий сохраняло свой древний язык. Славянская колонизация направлялась во Владимиро-Суздальскую землю из разных мест — из Новгородской земли, из Смоленщины, и верховьев Волги, и верховьев Оки, и с юга, из области среднего Поднепровья. В результате всего этого население Владимиро-Суздальской земли в языковом отношении было чрезвычайно пестрым. Там не было преобладавшего над другими прочного и устойчивого диалекта, на основе которого мог бы развернуться процесс складывания языка народности» (стр. 91).

Итак, автор пишет, что «Владими́ро-Суздальская земля не являлась коренной восточнославянской территорией». Но она не была таковой лишь в самую древнейшую эпоху. Иноязычные племена здесь в большей своей части довольно быстро были ассимилированы восточными славянами, язык которых в результате скрещивания вышел победителем и полностью сохранился. Автор правильно отмечает, что Владимиро-Суздальская Русь была колонизована разными восточнославянскими элементами. Однако было бы неверно преувеличивать пестроту колонизации, говорить о появлении здесь населения из многих и разных мест: основных направлений колонизации Владимиро-Суздальской земли было два — частью с территории новгородских словен и в значительной степени с первоначальной территории кривичей (если не считать, что юго-западный угол земли по р. Москве был заселен вятичами). Мы не знаем о крупных колонизационных движениях, направлявшихся сюда со среднего Поднепровья.

В связи с характером колонизации, продолжает автор, «население Владимиро-Суздальской земли в языковом отношении было чрезвычайно пестрым». Диалектную пестроту северо-восточной Руси также не следует преувеличивать по двум причинам. Во-первых, в древнейшую эпоху колонизации этого края восточнославянские диалекты были чрезвычайно близки друг к другу, успев выработать лишь минимальные диалектные отличия, которые в условиях совместного пребывания населения на новой территории легко могли нивелироваться. Во-вторых, если и имелась в какой-то мере диалектная пестрота в начальную пору колонизации края, то ее могло не оказаться через несколько столетий, когда начала формироваться великорусская народность и ее язык. И действительно, как данные современной диалектологии в их исторической интерпретации, так и показания письменных памятников свидетельствуют об отсутствии здесь диалектной пестроты в эпоху образования великорусской народности. Поэтому нельзя согласиться со взглядом, будто бы в северо-восточной Руси «не было преобладавшего над другими прочного и устойчивого диалекта, на основе которого мог бы развернуться процесс складывания языка народности».

Московские и ростово-суздальские памятники XIV—XV вв. свидетельствуют о наличии в Ростово-Суздальской земле значительного языкового единства и монолитности (я имею в виду договорные и духовные грамоты

великих и удельных князей, Суздальскую летопись¹⁸, Переславльское евангелие 1354 г.¹⁹, Галичское евангелие 1357 г.²⁰, Московское евангелие 1358 г.²¹ и др. памятники). Данные языка этих памятников в сопоставлении с данными диалектологии свидетельствуют о том, что различия между северновеликорусскими говорами вологодско-вятского и владимириповоляжского типов, граница которых проходит по территории Ростово-Суздальской земли, образовались в более позднюю эпоху. В частности, многие из особенностей владимириповоляжской группы говоров (которыми она отличается от всех остальных северных говоров, сходясь, напротив, с говорами южными) появились, видимо, в те эпохи, когда в процессе дальнейшего развития языка великорусской народности стала усиливаться роль южновеликорусских диалектов, когда наметилась смена диалектной базы русского (великорусского) языка, т. е. приблизительно с XVI в.

Наконец, если бы в северо-восточной Руси XIV в. и не было прочного и устойчивого диалекта, на основе которого мог сложиться язык народности, то все же едва ли пришлось бы «экспортировать» этот диалект издали — из области, находившейся за пределами той территории, на которой складывалась великорусская народность: самые потребности общения вызвали бы к жизни появление такого «прочного и устойчивого диалекта», создали бы единство языка, необходимое для развития общества.

Уже при закате Киева владимириповоляжский северо-восток был крупнейшим центром, продолжавшим киевские традиции, имевшим богатую культурную традицию, развивавшим письменность. В XIV—XV вв. он крепнет и развивается вместе с развитием великорусской народности. Богатая письменность северо-восточной Руси не оставляет сомнений в том, что язык развивающейся народности первоначально имел достаточно выраженный «северный» характер, что диалект Черниговщины и верховьев Оки не участвовал сколько-нибудь заметно в развитии языка великорусской народности ранней поры.

Характеризуя последующие процессы в образовании языка великорусской народности (т. е., видимо, после XII в.), автор правильно пишет о передвижении населения с юга на север, к Москве, в годы татаро-монгольского нашествия и в последующее время (стр. 93—94). Он говорит, что «лучшей иллюстрацией этого процесса является складывание московского говора в XIII—XV вв.» (стр. 94). Однако характеристика московского говора этого времени, как и всего ростово-суздальского севера (о чем мы уже сказали выше), дается неверная.

Прежде всего, что надо понимать под термином «московский говор»? Если это — говоры Подмосковья, то они не были одинаковы в это время: говоры южного и юго-восточного Подмосковья отличались от говоров северного Подмосковья, равно как и от говоров западного Подмосковья, что объясняется тем, что по Подмосковью проходили границы Смоленской, Чернигово-Рязанской (позднее Черниговской и Рязанской) и Ростово-Суздальской земель. Если это московское просторечье, то надо сказать, что в XIII—XV вв. оно еще не сложилось: в Москве, вероятно, говорили

¹⁸ См. В. И. Б о р к о в с к и й, О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, «Труды Комиссии по русскому языку», т. I, Л., Изд-во АН СССР, 1931, стр. 1—91.

¹⁹ См. П. С. К у з н е ц о в, К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, «Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР», вып. 2, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 130—158.

²⁰ См. Л. П. Ж у к о в с к а я, Из истории языка северо-восточной Руси середины XIV века. (Палеогр. и фонет. исследование рукописи Гос. ист. музея Патр. 68.) Автореферат канд. дисс., М., 1953.

²¹ См. О. А. К н я з е в с к а я, К исторической фонетике русского языка в Московской Руси середины XIV века. (О языке Московского евангелия 1358 г.) Автореферат канд. дисс., М., 1952.

и на северном, и на южном диалекте, причем в более древние эпохи безусловно доминировал северный диалект (окающий), а южный (акающий) постепенно расширялся в своем употреблении, уже в XVI в. заметно укрепив свои позиции и лишь к началу XVII в. завоевав господствующее положение. Таким образом, если под московским говором иметь в виду московское просторечие, то о нем можно говорить лишь применительно к XVII в. и последующим эпохам.

Возможно, автор под московским говором имеет в виду говор Московского княжества в его первоначальных пределах, т. е. до первых крупных присоединений, имевших место в 1301—1302 гг. (Коломна, Можайск)? Однако и в этом случае характеристика московского говора, данная автором, неприемлема для историка русского языка.

Автор правильно пишет, что Московский край (точнее: Московское княжество в его первоначальных пределах) «с древности был заселен в основном вятичами» (стр. 94). Далее автор пишет, что «в годы борьбы с половцами и татаро-монголами на территорию, расположенную вокруг Москвы, и особенно на юго-запад от Москвы переселилось значительное однородное и близкое к вятичам население Новгород-Северщины и других южных областей. Особенно интенсивно прилиvalo в Московский край население с юга во второй половине XIII и в XIV в.» (стр. 94).

Здесь много неточного: нельзя объединять «годы борьбы с половцами» и XIV в. ни с точки зрения исторической, ни с точки зрения истории русского языка; нельзя говорить о «близости к вятичам населения Новгород-Северщины» для этих относительно поздних эпох, когда уже давно не существовало племен; нам неизвестны переселения «значительного однородного и близкого к вятичам населения Новгород-Северщины в Подмоскowie — было бы интересно знать источники, на основе которых автор строит это утверждение. Наконец, неправилен и общий вывод: «Все это и объясняет нам, почему „акало“ население Москвы и прилегающих к ней территорий» (стр. 94). Историк русского языка не располагает данными об акающем, вообще южновеликорусском, характере древнего говора первоначальной территории Московского княжества. На это не указывают древнейшие письменные памятники. Что же касается данных диалектологии, то говорам этой территории (если оставить в стороне иканье, характерное для московского просторечия) свойственно умеренное яканье, появившееся на почве северного окающего диалекта²².

Весьма любопытно, что как территория Московского княжества в указанных выше пределах, так и прилежавший к ней с юго-востока и востока Коломенский уезд, входивший в XII и XIII вв. в Рязанское княжество, были заселены первоначально в основном вятичами. Однако к XIV в., когда уже появились древнейшие различия южновеликорусских и северновеликорусских диалектов, говоры Московского княжества, как и вообще Ростово-Суздальской земли в целом, в состав которой оно входило, носили определенно выраженный северный характер, а говоры Коломенского уезда, как и вообще основных территорий Рязанского княжества, были южными (им было свойственно аканье и другие древнейшие южновеликорусские особенности)²³.

²² Это можно считать доказанным после опубликования работ В. Н. Сидорова: «О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах», «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.—Л., 1951, вып. 2, стр. 172—183 и «Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах», «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», II, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 57—71.

²³ Южновеликорусское происхождение коломенских говоров обосновано в кандидатской диссертации Л. Э. Калнынь. См. Л. Э. Калнынь, Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Автореферат канд. дисс., М., 1952.

Таким образом, первоначальная территория аканья не совпадает с территорией вятичей на интересующем нас участке, но зато весьма близко сходится с границами Ростово-Суздальской и Рязанской земель эпохи феодальной раздробленности. В этом можно видеть свидетельство того, что аканье восходит не к эпохе, когда существовали восточнославянские племена, а к более поздней эпохе феодальной раздробленности²⁴. После образования аканья в течение довольно длительного времени (во всяком случае в XIV в., а возможно и в XV в.) говор старой территории Московского княжества был северновеликорусским, не отличаясь в этом отношении от других говоров Ростово-Суздальской земли, которые сохранили свой северновеликорусский характер до наших дней.

Следует отметить, что если неверен вывод автора об акающем говоре «населения древней Москвы и прилегающих к ней территорий» (стр. 94), то тем более неверно и следующее чисто лингвистическое положение: «Однако это „аканье“ в отличие от „южного“ диалектологи выражают понятием „умеренное аканье“. „Умеренность“ явилась следствием влияния на говор Москвы „окающих“ северо-восточных и северо-западных говоров» (стр. 94). Какие диалектологи противопоставляют московское «умеренное аканье» «южному»? Что такое «умеренное аканье»? Автор опирается на устаревшие работы Е. Ф. Будде и Е. Ф. Карского, которые и при своем выходе не отвечали современному состоянию разработки типологии аканья.

Недоумение вызывает и следующее место в статье И. М. Ионенко: «В свое время лингвисты спорили о том, какой из типов говоров — южно-великорусский или северновеликорусский — явился основанием, а какой „наслоением“ в русском национальном языке. Сейчас этот спор решен в пользу южных диалектов, которые в конечном счете определили и московскую „речь“ и легли через говор народных масс Москвы в основу развития языка русской народности» (стр. 94). О каких спорах здесь идет речь? Если и шли споры, то не об основе русского национального языка, а об основе так называемых «переходных», средневеликорусских говоров. Вопрос этот сейчас разрешается в том плане, что одни из них имеют в своей основе северные говоры, другие — южные. Далее: в приведенной выдержке смещена историческая перспектива — не различается язык народности и национальный язык: то, что являлось вторичным в языке великорусской народности (южновеликорусские элементы, постепенно усиливавшиеся), стало основным, определяющим развитие языка, впоследствии, когда язык великорусской народности стал развиваться в русский национальный язык.

Это смещение исторической перспективы привело автора к неправильному определению времени образования курско-орловского диалекта: «Мы имеем достаточно оснований для предположения, что курско-орловский диалект возник в XVII в., когда Курско-Орловский край уже имел густое и устойчивое население» (стр. 98). Курско-орловская группа говоров обнаруживает теснейшую связь с группами говоров тульской и рязанской, вместе с которыми она образует сплошную территорию. Между этими группами говоров имеются отличия (главным образом, фонетические). Однако изучение южновеликорусских говоров в их развитии свидетельствует о вторичности этих различий и о единстве этих групп говоров в их исторической основе. В ряде отношений курско-орловские говоры сохранили в большей степени старую систему, в то время как тульские и рязанские

²⁴ Подробнее о времени образования аканья см. в моей работе: «Вопросы образования русского языка в его говорах», «Вестник Моск. ун-та», 1947, № 9, стр. 138—139.

говору в силу особых исторических условий развития этих краев утратили некоторые свои старые особенности, развив на их месте новые черты. Можно думать, что эти новообразования появились в XV—XVII вв., после того как Тула, а затем и Рязань были присоединены к Москве, в то время как общая основа этих групп южновеликорусских диалектов, т. е. наиболее важные древнейшие черты южновеликорусского наречия, относится к предшествующей эпохе — к XIII—XIV вв. Таким образом, не будет неосторожным утверждение о том, что в Курско-Орловском крае в это время был распространен типичный южновеликорусский диалект (с фрикативным *г*, с диссимилятивным яканьем, не знающий северновеликорусских новообразований, например формы *меня*, известной с конца XIV в.²⁵). Поэтому утверждение автора о возникновении курско-орловского диалекта лишь в XVII в., нужное ему, возможно, для объяснения того, почему отличительные черты курско-орловского диалекта оказались за пределами норм национального языка, не может быть принято историком русского языка. Не может быть принята последним, равно как и историком, ссылка на то, что лишь с этого времени (с XVII в.) курско-орловский край «имел густое и устойчивое население» (стр. 98). Теория «запустения» края явно преувеличивала дело: значительная однородность говоров края не могла образоваться в XVII в. и в позднейшее время. Эта однородность, равно как и данные исторические, свидетельствует о глубокой языковой традиции, о том, что полного заустения края никогда не было²⁶.

Наконец, совсем непонятным для диалектолога оказывается положение, согласно которому курско-орловский диалект этого времени «сложился на основе разговорной речи местного населения и населения, переселившегося из соседних, расположенных к северу и северо-западу от него районов, т. е. того населения, говоры которого наши диалектологи определяют как среднерусские или умеренно акающие. Одним из таких говоров и стал курско-орловский» (стр. 98). Курско-орловский диалект, наиболее цельный и «чистый» в составе южновеликорусского наречия, объявляется автором образовавшимся в результате смешения с другим, видимо не южновеликорусским, диалектом. Но что это за «соседние, расположенные к северу и северо-западу районы»? Каков был их диалект? Как понимать положение о том, что курско-орловский диалект среднерусский? Одновременно говорится, что он умеренно акающий (но мы не знаем, что автор понимает под умеренным аканьем), хотя на стр. 99 говорится, что в нем было сильное аканье (впрочем, содержание этого термина также неясно).

Автор говорит, что в дальнейшем (видимо, с XVII в.) курско-орловская «речь» «приобретала некоторые новые черты, ...на ее характере сказалось более тесное и постоянное взаимодействие с украинским и белорусским языками (известно, что Черниговщина оказалась районом развития украинской народности, а за Десной господствующее положение занял белорусский язык)» (стр. 100). Элементы украинского языка на юге территории курско-орловского диалекта, действительно, являются поздними, однако черты, объединяющие говоры брянские и западных районов Курской и Орловской областей с белорусскими, имеют гораздо более сложную историю, появились в разное время, при этом частью восходят к глубокой древности.

Таким образом, общая концепция И. М. Ионенко принята быть не может. Она ярче всего выражена автором в следующих словах: «Если

²⁵ См. М. А. П р е в о, История форм личных и возвратного местоимений в русском языке. Автореферат канд. дисс., М., 1952, стр. 9.

²⁶ См. С. И. К о т к о в, К изучению орловских говоров, «Ученые записки Орловского гос. пед. ин-та», т. VII. Кафедра русского языка, вып. 3, Орел, «Орловская правда», 1952, стр. 165.

Русь собиралась и объединялась вокруг Москвы, то лабораторией ее языка из столетия в столетие являлись районы, лежавшие к югу от Москвы. Их языковое творчество питало и определяло московскую „речь“ как в период возникновения русской народности, так и в период формирования русской нации» (стр. 99). Эта концепция не согласуется с данными истории и истории русского языка. Она антиисторична. Остается непонятным, как это «Русь собиралась вокруг Москвы», а «лабораторией ее языка из столетия в столетие» были южные районы, в течение длительного времени образования великорусской народности даже не входившие в состав ее государственной территории. Поэтому можно с полным основанием присоединиться к оценке взглядов И. М. Ионенко, данной в редакционной статье журнала «Вопросы языкознания»: «...мнение И. М. Ионенко о том, что юго-восточные диалекты сыграли решающую роль в формировании и языка великорусской народности и языка русской нации, должно быть признано в высшей степени сомнительным и односторонним»²⁷.

Образование русского национального языка на почве языка русской (великорусской) народности представляет собою гораздо более сложный процесс, чем это представляется И. М. Ионенко. Этот процесс был обусловлен не только многовековой историей самого языка народности, который затем разовьется в национальный язык, не только приобретением одним из диалектов ведущего значения (какого он ранее не имел) при развитии языка народности в национальный язык, не только изменениями соотношения между диалектами и общенародным языком, но также и ролью письменной традиции, разными стилями письменного, литературного языка в их отношении к общенародному языку в разные эпохи развития языка народности и национального языка. Вне всякого сомнения «...развитие национального языка было связано с накоплением новых элементов качества языка»²⁸.

2

Проблема образования национального языка может быть разрешена только в том случае, если привлекаются данные всех доступных для исследования эпох его развития. Особенно необходимо тщательное изучение языка народности, который в известных условиях развивается в язык национальный в связи с развитием самой народности в нацию. При одних исторических условиях ведущий диалект языка народности может сохранить свое значение при образовании национального языка. В таких случаях этот диалект, ложась в основу национального языка, проявляется в этом последнем наиболее полно и последовательно. В других исторических условиях диалектная база при развитии языка народности в национальный язык меняется: диалект, являвшийся ведущим в языке народности, постепенно перестает быть таковым в процессе развития языка народности в язык национальный; в качестве опорного диалекта-основы, определяющего дальнейшее развитие языка, выдвигается другой диалект, ранее не имевший такого значения. В этих случаях диалект-основа в структуре национального языка проявляется более ограниченно. Это объясняется тем, что «язык есть продукт ряда эпох», что национальный язык не является новым по отношению к соответствующему языку народности, а тем же языком в его дальнейшем развитии. В связи с устойчивостью языка, его преемственностью от эпохи к эпохе, в систему формирующихся норм национального языка входили не все черты нового

²⁷ «К вопросу о развитии от языка народности к национальному языку», «Вопросы языкознания», М., 1952, № 6, стр. 128.

²⁸ Там же, стр. 129.

диалекта-основы, а лишь те, которые не ломали резко существующей, обычно уже многовековой традиции, которые постепенно развивались в самом диалекте-основе в эпоху образования национального языка.

Далее следует иметь в виду, что проблема образования национального языка не есть проблема только диалектологическая (проблема диалекта-основы и его роли в процессе формирования национального языка), но включает в себя также в качестве одного из важнейших компонентов вопрос о письменном, литературном языке: нация, возникающая в связи с развитием капиталистических отношений, никогда не обходится без письменности. Поэтому национальный язык всегда имеет и свою письменную, в большей или в меньшей степени литературно обработанную форму. В одних случаях письменность и письменный литературный язык создается вместе с образованием нации, в других он возникал значительно раньше и имел уже более или менее длительную, а иногда и многовековую традицию. В одних случаях эта письменная традиция имела чуждую языковую основу, в других — свою, общенародную. Если письменный язык имел чуждую основу, то при образовании национального языка обычно письменность развивалась на новой, общенародной основе. Однако элементы старого письменного языка (на чуждой основе) могли сохраняться в новом литературном языке, обогащая его. В докапиталистическую эпоху нередко создавалась двойная письменная традиция: на чуждой основе для одних жанров (культовых, чисто литературных) и на общенародной основе для других (юридических, деловых). Сама эта «чуждая основа» также может быть весьма различной: в полной мере чуждой или, напротив, близкородственной (например, церковнославянский язык на Руси). В последнем случае складываются весьма специфические отношения между этим письменным языком и общенародным языком, во многом определяющие дальнейшее развитие соответствующего литературного языка.

Все это определяет своеобразие отношений между языком письменным и общенародным, представленным как в литературно обработанном виде, так и в виде диалектов. Все это накладывает свою печать на характер формирующихся норм языка, в особенности, если на данном языке имелась богатая и длительная письменная традиция. Последняя, кроме того, также ограничивает проявление диалекта-основы в системе национального языка.

В этой части статьи мы попытаемся кратко наметить основные этапы образования русского национального языка, предполагая в дальнейшем этот вопрос изложить более полно с приведением фактического материала. Сравнительно-историческое изучение русских диалектов и ближайшим образом родственных восточнославянских языков свидетельствует об их исконном языковом единстве. Восточные славяне в древности в языковом отношении характеризовались общностью грамматического строя и основного словарного фонда.

Диалектные различия у восточных славян в значительной своей части относятся уже к относительно поздней эпохе, которая в структурно-лингвистическом отношении характеризуется как время после падения редуцированных, а исторически соответствует эпохе феодальной раздробленности и последующему времени. Лишь некоторые немногие диалектные различия из числа известных могут быть отнесены к более раннему периоду (например, качество фонемы *э*).

Поздний характер диалектных различий русского языка ни в коей мере не исключает того, что в диалекте могут сохраняться явления, восходящие к глубокой древности. Следует иметь в виду, что диалектное различие обычно двучленно или многочленно, причем один из его членов представляет собой сохранение старины, другие — новообразования. Утверждение о позднем характере диалектных различий русского языка

означает лишь, что поздними являются те их члены, которые представляют собою новообразования. Произношение *вода* (оканье), форма *свекры*, конструкция типа *косить трава*, слово *конь* относятся к глубочайшей древности. Однако диалектные различия *вода* — *вада* (оканье-аканье), *свекры* — *свекровь* — *свекрова*, *косить трава* — *косить траву*, *конь* — *лошадь* восходят лишь к тому времени, когда появились те члены этих диалектных различий, которые являются новообразованиями.

К эпохе разложения первобытно-общинного строя и перехода к классовому обществу не была еще нарушена языковая общность восточных славян, явившаяся одним из характерных признаков развивающейся древнерусской (восточнославянской) народности. Последняя нашла свое политическое оформление в древнерусском (Киевском) государстве.

Язык древнерусской народности характеризуется значительным единством, хотя в нем имеются известные диалектные различия, главным образом фонетического характера. Специфика взаимоотношений общенародных и местных элементов языка в эпоху образования и расцвета древнерусского государства заключается в известной стойкости диалектных различий, обусловленной отсутствием централизации. Специфика взаимоотношений письменного и общенародного устного языка этой эпохи определяется наличием двух разных типов письменного языка: одного — общенародного в своей основе для жанров юридических, деловых и другого — церковнославянского (т. е. развивающегося в восточнославянской языковой среде старославянского — русифицированного и продолжающего русифицироваться) для жанров культовых, литературно-книжных, которые находятся в разных отношениях к общенародному устному языку²⁹.

Ослабление древнерусского государства, наметившееся к концу XI в. и ставшее весьма значительным к середине XII в., как известно, сопровождалось ростом отдельных земель и княжеств, их экономическим и политическим укреплением при относительном их обособлении друг от друга. Переход к феодальной раздробленности усиливает развитие местных диалектных различий в пределах отдельных земель и княжеств или их групп. Уже для домонгольского периода по письменным памятникам выделяются диалекты новгородский, галицко-волынский, смоленско-полоцкий, менее четко киевский, ростово-суздальский. К этому времени существовали и древнейшие особенности псковского диалекта, который нам известен по памятникам более позднего времени. Можно думать, что и на территории Черниговского, Новгород-Северского и Рязанского княжеств в XIII в. также к этому времени выработались свои местные языковые особенности, которые, однако, мы не можем документировать ввиду отсутствия ранних письменных памятников из этих местностей. В диалектах этого времени, как это было указано выше, еще не обозначились языки будущих трех восточнославянских народностей, хотя отдельные языковые черты впоследствии стали характерными для того или другого из этих языков.

Дальнейшее обособление северо-восточной Руси от Руси западной и южной и специфические процессы развития западной и южной Руси в составе Великого княжества Литовского и Польши способствуют оформлению великорусской народности в отличие от украинской и белорусской, формирующихся более или менее одновременно на западе и юго-западе.

Вместе с оформлением на северо-востоке великорусской народности там же развивается и ее язык. Владимир, Ростов, Суздаль, а затем Москва — вот центры, где формировалась великорусская народность в XIV—XV вв. И. В. Сталин в своем приветствии по случаю 800-летия Москвы сказал:

²⁹ Лишь в отдельных наиболее выдающихся произведениях этого периода наблюдаются попытки синтеза обоих типов литературного языка (например, в «Слове о полку Игореве»).

«Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси»³⁰. Письменные памятники этого периода свидетельствуют о наличии единого языка великорусской народности, северновеликорусского по своему характеру. Об этом же свидетельствуют данные диалектологии, в том числе историческое изучение акающих говоров на территории Ростово-Суздальской земли (например, на первоначальной территории Московского княжества).

В это время возникает или расширяется в своем употреблении и укрепляется ряд специфически великорусских явлений в области фонетической системы, грамматического строя, словарного состава. Эти явления постепенно охватывают все основные части великорусской народности, лишь в отдельных случаях не доходя до некоторых периферийных районов. Из явлений фонетических отметим изменение *-ий* в *-ой* и *-ий* в *-ей*, отразившееся в памятниках в единичных случаях со 2-й половины XIII в. и известное по более многочисленным примерам со 2-й половины XIV в.; изменение слабых *ъ, ь* после плавных между гласными в *о, е* (ср. в русском *кравъ, слеза*), известное по памятникам со второй половины XIII в. Эти черты, как известно, отличают русский язык от украинского и белорусского.

Из явлений морфологических можно отметить такие, как утрата звательной формы, хронологию которой по письменным памятникам трудно установить ввиду ее длительного сохранения во многих жанрах письменного языка, хотя и можно утверждать, что процесс этот в части диалектов начался очень рано; замена свистящих заднебными в формах склонения (*рукъ* вместо *руцъ* и др.)—черта, возможно, свойственная новгородским говорам в отдельных словах с давнего времени, но более широко прослеживаемая по памятникам лишь с XIV в.; развитие формы именительного падежа множественного числа на *-а́* от имен существительных (типа *берега́, рога́*), известной в отдельных случаях с XIV в.; образование 2-го лица повелительного наклонения от глаголов I спряжения на *-ите* вместо *-ьте* (*несите, идите*), известное в отдельных случаях в древнейших памятниках, но частое в Лаврентьевской летописи (1377) и абсолютно преобладающее в деловой письменности XIV—XV вв.³¹; употребление в значении повелительного наклонения личных форм 1-го лица множественного числа (*пойдем, возьмем*) вместо старых форм с *тъ*; появление форм повелительного наклонения с *к, г* от глаголов с основой на заднебные (*леки, стереги*) и др. Эти грамматические особенности постепенно распространяются по всей или почти по всей территории русского языка, отличая его от украинского и белорусского языков³².

Наблюдения над языком договорных и духовных грамот великих и удельных князей показывают, что в XIV—XV вв. появляется ряд слов, которые первоначально не употребляются в памятниках немосковского происхождения, но с XVI в. становятся общими для языка всей великорусской народности³³. Таково, например, слово *крестьянин* (ср. новгородск. *смерд*), *деньги* (ср. новгородск. *векша, куна*) и др. Такие слова, как *крестьянин, деньги, лавка* (в значении торгового заведения), *мельник,*

³⁰ «Правда» от 7 сентября 1947 г.

³¹ См. И. Б. Кузьмина, Употребление глагольных форм в предложениях со значением побуждения в русском языке XI—XVII веков. Автореферат канд. дисс., М., 1951, стр. 14—15.

³² Здесь мы не затрагиваем особенно сложных русско-белорусских языковых отношений, в результате которых некоторые явления объединяют русский язык с белорусским языком (или с частью белорусских говоров) и отличают их от украинского.

³³ См. О. В. Горшкова, Язык московских грамот XIV—XV веков (лексика и фразеология). Автореферат канд. дисс., Изд-во Моск. ун-та, 1951. Приводимые нами ниже примеры заимствованы из этой работы (стр. 15).

пашня, пуговица, деревня, кружево и др., появившиеся в языке московских памятников XIV—XV вв., не только становятся в XVI в. общевеликорусскими, но сохраняются и в словарном составе современного русского языка, во многих случаях относясь к его основному словарному фонду. Характерно, что, как правило, эти слова неизвестны украинскому и белорусскому языкам или известны им из русского. Ср. украинские: *селянин, гроші, крамниця, мірошник, нива* (или *рілля*), *гудзик, село, мерезиво*.

Все это ярко свидетельствует об интенсивном процессе оформления общенародного языка великорусской народности. Однако местные диалекты в этот период характеризуются значительной устойчивостью, а в периферийных областях как на севере, так и на юге развиваются новые диалектные различия. Например, в части северных говоров в XIV—XV вв. и позднее развивается изменение ударенного *ть* в *и* перед мягкими согласными (а в некоторых говорах и перед твердыми); в южных говорах продолжается формирование разных типов яканья. Появляются и многие другие фонетические и грамматические особенности в отдельных говорах, которые, однако, мало отражаются, а в ряде случаев и вовсе не отражаются в языке памятников, существуя лишь как чисто диалектные особенности.

Раздвоение письменного языка, уже имевшееся в более раннюю эпоху, сохранилось и усилилось в Русском государстве XV и XVI вв.: продолжает существовать книжный, церковно-славянский язык, далекий от общенародного языка (хотя и русифицированный), однако рядом с ним крепнет и развивается на широкой общенародной основе деловой письменный язык, который в XVI в. стал едва ли не общим для всего государства.

Уже в раннюю пору формирования великорусской народности южно-великорусское начало играло в ее составе известную роль. *Практически можно* не принимать во внимание, что первоначальная территория Московского княжества, в отличие от остальной территории Ростово-Суздальской земли, заселенной по преимуществу кривичами, была заселена вятичами, так как в эту отдаленную эпоху еще не определились основные различия между южными и северными говорами. Однако уже с самого начала XIV в., когда эти различия определились, южновеликорусские элементы заметно увеличиваются. В 1301 г. были присоединены к Москве Коломна и Любасня, что, по мнению авторитетного исследователя, увеличило «... и территорию, и количество населения Московского княжества, если не вдвое, то, по крайней мере, на две трети»³⁴ как раз за счет южно-великорусских элементов³⁵. На протяжении XIV и далее XV и XVI вв. при образовании централизованного государства к Москве постепенно присоединяются и многие другие южновеликорусские территории. Роль этих территорий и их населения в экономической, политической жизни страны все возрастает, а к XVIII в. становится решающей³⁶. Происходит постепенная утрата ростово-суздальским диалектом своего ведущего значения в развитии русского языка.

Одним из существенных моментов в истории развития языка великорусской народности в русский национальный язык, свидетельствующим о постепенном усилении роли южного наречия в развитии русского языка, является образование в центральных областях Русского государства (Ростов, Суздаль, Переславль-Залесский, Владимир) особого диалекта,

³⁴ М. К. Л ю б а в с к и й, Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра, Л., Изд-во АН СССР, 1929, стр. 40.

³⁵ См. Л. Э. К а л л ы н ь, указ. соч.

³⁶ В данной статье мы не имеем возможности вдаваться в подробности. Многие интересные и правильные соображения по этому вопросу приведены в статье И. М. Ионенко.

отличного по ряду своих черт от всех остальных северновеликорусских говоров и сближающегося по этим чертам с южными говорами, т. е. приобретшего свои характерные особенности при ведущем значении южновеликорусского наречия. Продолжением этого диалекта являются так называемые владими́ро-поволжские говоры, непосредственно примыкающие к акающим средне- и южновеликорусским. В этих говорах, в особенности на указанной территории, развивается ряд новообразований, общих с южновеликорусскими [например, перенос ударения в форме 2-го лица множ. числа с последнего слога на предпоследний в случаях типа *несёте, везёте*, образование формы *дашь, ешь* вм. старых *даси́, еси́*; отвердение *с* в суффиксах *-ск-*, *-ств-*; ср. сохранившиеся более или менее широко в северновеликорусских говорах формы *неситё* или *неситё́; даси́, еси́; -с'к-, -с'тв- (-с'в-)* и др. черты]. Любопытно также, что на говоры данной территории часто не распространяются новообразования типичных северновеликорусских говоров, ввиду чего владими́ро-поволжские говоры сходятся с южновеликорусскими сохранением старых особенностей (ср., например, сохранение в них ударенного *а* между мягкими согласными, как и в южновеликорусских, при его изменении в *е* в других северновеликорусских говорах).

Говоры этой территории и в лексическом отношении значительно отличаются от остальных северновеликорусских. В них, например, отсутствуют многие типичные для последних слова, такие, как *баско, баской* («хороший», «красивый»), *лонись* («в прошлом году»), *порато* («очень»), *обилье* («хлеб на полях»), *лопоть* («одежда»), *оболочка, оболочаться, разоболочаться* («одежда», «одеться», «раздеться») и др. В этих говорах употребляются не слова *конь, орать, попел*, типичные для значительной части остальных северных говоров, а *лошадь, пахать, зола*.

Начальные этапы развития русской народности в нацию, когда стала намечаться новая диалектная основа русского национального языка, были тесно связаны с развитием в XVI в. предпосылок образования всероссийского рынка, с территориальным разделением труда, с тем, что, по утверждению авторитетного исследователя, «...разбросанные по всей территории Русского государства городские и сельские рынки в XVI в. уже были связаны между собой непрерывным товарообменом»³⁷. Это привело к тому, что «во второй половине XVI в. складываются те явления в области рынка, которые затем в XVII в., когда происходил процесс сложения всероссийского рынка, нашли себе более отчетливое и более полное выражение»³⁸.

В это время, по мере усиления южновеликорусских элементов в развитии русского языка, ростово-суздальский диалект, одним из представителей которого был и московский говор, постепенно терял свое значение. Как было только что показано, он сам начинал изменяться под воздействием южновеликорусского наречия. Что же касается московского говора, то его развитие в сторону южновеликорусского наречия идет значительно дальше: он, хотя и медленно, но неуклонно проникается южными элементами, постепенно противопоставляясь (как «средневеликорусский») другим ростово-суздальским северным диалектам, в прошлом однотипным с московским. Определяющим дальнейшее развитие русского языка становится южновеликорусское наречие, курско-орловский диалект которого, наиболее цельный и влиятельный, ложится в основу русского языка в эпоху его становления как национального языка формирующейся русской нации. Этим определяется дальнейшее развитие русского языка, которое

³⁷ С. В. Бахрушин, Научные труды, I. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в., М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 41—42.

³⁸ Там же, стр. 54.

протекает, однако, без ломки веками создававшегося и унаследованного от прошлого языкового строя, в котором уже давно успели укрепиться как многие характерные особенности ведущего диалекта русского языка предшествующей эпохи (*з* взрывное, *т* твердое в 3-м лице глаголов, формы типа *меня* и др.), так и элементы церковно-книжного языка. В этом сказывается ограниченность проявления новой диалектной основы при описанных выше условиях.

Однако определяющее значение в формировании норм русского национального языка имеет именно южновеликорусское наречие и прежде всего его курско-орловский диалект. В эпоху образования национального языка и непосредственно предшествующую ей развивается и укрепляется в московском просторечии и подмосковных говорах южновеликорусское по происхождению аканье, которое входит в нормы формирующегося национального языка; утрачиваются вслед за утратой в южновеликорусских говорах многие древние общенародные элементы в грамматике и лексике, сохранившиеся теперь лишь в части архаических северновеликорусских говоров; постепенно расширяется употребление таких форм, как формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода на *-а́*, также, видимо, южновеликорусского происхождения, судя по тому, что в них оно распространилось дальше — на слова женского рода (формы типа *лошадя́*, *деревня́*) и т. д. Именно в это время (точнее; видимо, в 1-й половине XVII в.) московское просторечие — эта лаборатория общенародной основы русского национального языка — приобретает тот свой «средневеликорусский» облик, который нам известен по последующему времени.

Следует иметь в виду, что эти черты приобретают характер нормы формирующегося национального языка не сразу, а в результате длительной борьбы с соответствующими старыми особенностями. Например, аканье, господствуя в Москве с XVII в. и постепенно становясь нормой национального языка, документируется, хотя и в отдельных случаях, памятниками; писанными в Москве уже в первой половине XIV в. Ср. в Московском евангелии 1339 г.: *въ апустьвиши земли*, в Московском евангелии 1398 г.: *даяцимъ, обянонъ* и др. Ср. широкое отражение аканья в сборнике XVI в. (Синод. библиотека, Чудовское собр., № 264), писанном, видимо, в Москве: *паносно, совакупи, саборъ, паповъ, арла, сатвори, непокалебимо, авца, авцахъ, градъ Ростовъ, ростовския, покравенъ, сакровищу, сакровенну, помащъ*, а также *яго, яму* и др.

Характерно, что даже в московских грамотах с их высоким уровнем культуры письменного языка и нормированным правописанием рано проступают сначала в отдельных написаниях, а затем и более широко отражения аканья. Отметим соответствующие написания в топонимических названиях, в особенности таких, которые не овящены письменной традицией (названия мелких населенных пунктов, озер, речек и др.): *Ростовец*³⁹ — деревня Переславского уезда (ок. 1339, 1374—1375, 1390, ок. 1401—1402 и др.); *Ростовское* — село Дмитровского уезда (1504), *Ростовец* — река (1504). При этом следует отметить, что название крупного культурного центра северо-восточной Руси — *Ростов* — всегда пишется с буквой *о*. В ряде названий находим колебания в написании *о* и *а* для гласных безударных слогов: *Нагатинское* и *Ногатинское* (1401—1402); *Брошевая* и *Брашевая* (с *о* только в грамоте ок. 1339); *Молаховское* и *Малаховское* (с *а* только в грамоте 1461); *Колуга* и *Калуга* (с *а* в грамоте 1572); *Кошира* и *Кашира* (с *а* в грамоте 1572); *Домонтовское* (ок. 1339) и *Домантовское* (1389, 1433); *Радонеж* и *Раданеж* (1401—1402) и др. Написание топоними-

³⁹ Ниже примеры даются по изданию: «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950. В скобках указывается год написания грамот.

ческих названий иногда может отражать не говор писца или того места, где написан памятник, но говор места, к которому данное название относится, что требует особенно осторожного подхода к подобным написаниям. Однако в этой связи интересно наличие среди приведенных примеров случаев «акающих» написаний названий, которые относятся к окающей территории: в этих написаниях можно видеть указание на более или менее широкое бытование акающего произношения данных названий в Москве.

Отметим написания с *о* и *а* в заимствованных словах: *архимандриту* и *орхимандрит* (1486); *архангил* и *орханилу* (1481); *татарская* (ок. 1396) и *тотарские* (1402); *колпак* (1506, 1521) и *калпаки*, *на том калпакъ* (ок. 1503); *монисто* (ок. 1339) и *манисто* (1472, ок. 1503, 1521), *на манисть* (ок. 1486), с *манисты*, с *манистом* (ок. 1506); *достокан* и *достакан* (1503). Наконец, в качестве наиболее ярких случаев отметим: *абидному* (ок. 1396, ок. 1439), *отамал*, *изнава* (видимо, *изновá*), *натцъхъ* (вместо *на отцъхъ*; последние три примера в грамоте 1402). Любопытно написание *сожени* (1486) с ударенным *о* вместо *а*, которое могло появиться, как известно, на почве аканья. Место ударения выясняется из встретившегося там же написания *сожана* с буквой *а* для гласного в заударном слого.

Интересна недавно найденная во время раскопок в Зарядье личная печать московского боярина XV в. с надписью *печать Ивана Карови*⁴⁰, указывающая на наличие в Москве (если не в речи боярина, то в речи мастера-гравера) аканья, а также формы родительного падежа единственного числа *карови*. Отметим (не приводя примеров), что аканье довольно широко отражается в таком памятнике XVI в., как «Домострой» (по Коншинскому списку), для начала XVII в. — в письмах царя Михаила Федоровича, а для более позднего времени — в письмах царя Алексея Михайловича и особенно Петра Великого — отражается так широко и ярко, что не оставляет сомнения в наличии последовательно проведенной акающей системы вокализма. Приведенный материал выразительно характеризует высказанное положение о том, что нормы национального языка развивались и укреплялись постепенно, на протяжении нескольких столетий.

Процессы формирования норм русского национального языка особенно интенсивно протекают с XVII в., когда, как указывает В. И. Ленин, начинается новый период русской истории, связанный с усилением обмена между областями, ростом товарного обращения, концентрированием местных рынков в один всероссийский рынок, постепенной ликвидацией экономической разобщенности и раздробленности⁴¹, иначе говоря, связанный с процессом формирования русской нации.

Эта эпоха характеризуется тем, что образование новых диалектных различий постепенно прекращается, а вновь возникающие (в отдельных случаях) не получают широкого распространения. Однако существующие диалектные различия в течение длительного периода сохраняют свою устойчивость, лишь постепенно в эпоху капитализма подвергаясь воздействию норм национального языка, начиная терять свою самобытность и вливаться в него. Эта эпоха характеризуется также тем, что постепенно ликвидируется разрыв между типом литературного языка, далеким от общенародной основы, имевшим место в прошлом, и нормами национального языка: постепенно развивается и укрепляется единый литературный язык на живой общенародной основе, который становится литературно обработанной формой национального языка. Этот процесс в развитии русского языка завершился лишь в первой половине XIX в.

⁴⁰ См. М. Рабинович, Археологические исследования Московского посада, «Вопросы истории», М., 1951, № 5, стр. 65—71; печать воспроизведена в его же статье «Археологические раскопки в Москве», «Огонек», М., 1951, № 24, стр. 21.

⁴¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137—138.